

58 дней в Турции

Рассказывает
народный артист
СССР НИЯЗИ

Как уже сообщалось в печати, народный артист СССР Ниязи недавно с триумфом выступал в Турции. Корреспонденты АзТАГА К. Абдуллаев и В. Джалагония встретились с дирижером и попросили его поделиться впечатлениями от зарубежной гастрольной поездки.

1. Полпред советского искусства

— Любая гастрольная поездка, — начинает свой рассказ Ниязи, — это прежде всего работа, тяжелый, напряженный, исполненный огромного волнения труд, а гастроль за рубежом — тем более. Выступая за границей, советский художник ощущает себя полпредом искусства первой в мире страны социализма, и это не только высокая честь, но и столь же высокая ответственность, требующая предельного напряжения всех духовных и физических сил. В Турции я провел 58 дней, и все они были рабочими в самом широком и точном смысле этого слова.

Приглашение вторично посетить Турцию я получил во время гастролей в этой стране в 1963 году. После того, как я дирижировал оперой «Евгений Онегин» П. И. Чайковского на сцене Анкарского государственного оперного театра, меня попросили в следующий приезд принять участие в ее постановке уже в Стамбуле. Нужно сказать, что в Турции наблюдается все возрастающий интерес к культуре великого северного соседа, и обращение турецких музыкальных театров к русской оперной классике — убедительное тому подтверждение.

К сожалению, болезнь помешала мне своевременно прибыть в Турцию, и я успел лишь к премьере спектакля. Приехал в Стамбул утром, а вечером уже сидел в театре и с растущим недоумением вслушивался в музыку «Евгения Онегина», звучащую на этот раз, мягко выражаясь, несколько непривычно. То, что происходило на сцене, тоже имело лишь отдален-

ное отношение к бессмертному произведению, созданному гением Пушкина и Чайковского.

Турецкие друзья потом мне рассказали, что постановку «Евгения Онегина» в Стамбуле с самого начала преследовали неудачи. Оперу должен был ставить замечательный музыкант, большой знаток и пропагандист русской музыки Айдын Гюн, но он к этому времени возглавил Анкарский театр и не смог руководить постановкой. Из-за моей болезни к дирижерскому пульту встал итальянец Пино Трост, музыкант, на мой взгляд, достаточно грамотный, но совершенно не знакомый с русской оперной классикой.

Отсутствие необходимых знаний постановщики «Евгения Онегина» попытались восполнить сомнительными режиссерскими «находками», явно заимствованными из арсенала американских кинобевиков. Достаточно сказать, что на балу у Лариных Онегин и Ленский по воле создателей спектакля затеяли кулачную драку. Любимая пушкинская героиня — пленительная в своей непосредственности, «русской душой» Татьяна приобрела сходство с роковой западной кинодивой.

В итоге спектакль начисто лишился глубины и поэтичности первоисточника. Местная печать была единодушной в своих резко отрицательных отзывах. Неудача эта была тем огорчительней, что русская опера впервые представлялась стамбульским слушателям, и премьера «Евгения Онегина» ожидалась всеми, как большое событие в музыкальной жизни города.

2. Стамбул рукоплещет Чайковскому

— Руководители Стамбульского оперного театра, — продолжил рассказ Ниязи, — просили меня открыто высказать свое мнение о постановке. Отзыв мой был, естественно, суров, но он вполне совпадал с мнением турецкой музыкальной общественности. Показ спектакля было решено приостановить, и меня попросили заново прочесть партитуру «Евгения Онегина» для оркестра и исполнителей, занятых в опере.

Работа началась на следующее же утро и продолжалась 10 дней. Репетиционный график был предельно насыщенным. По утрам я занимался с оркестром, во второй половине дня — с солистами и хором. Работали мы, не щадя сил, что называется «до седьмого пота». Кое-кого из музыкантов, наблюдавших за репетициями, это удивляло. По установившемуся мнению, задача гастролера заключалась в том, чтобы блеснуть индивидуальным мастерством в день парадного выступления, и «мучить» себя, как выразился один рецензент, на «черновых» занятиях ему вроде бы не было резона.

Но постепенно чувство удивления сменилось глубоким уважением к нашей работе.

Должен сказать, что я был по-настоящему тронут огромной заинтересованностью, с которой работал весь коллектив турецких музыкантов над шедевром Чайковского. Руководители театра в свою очередь сделали все возможное, чтобы помочь мне. Нельзя не упомянуть добрым словом хормейстера Мухиддина Садака, влюбленного в музыку Чайковского и работавшего над хоровыми страницами партитуры с самозабвенной страстью подлинного художника.

Думаю, нет нужды говорить о волнении, которое я испытывал, выйдя к дирижерскому пульту в день, когда наша работа была, наконец, вынесена на суд зрителей. По существу это была вторая премьера «Евгения Онегина» в Стамбуле.

Я всегда немного завидую моим друзьям-артистам, которые находятся на сцене лицом к лицу со зрителями. Дирижер повернут к слушателям спиной, и о том, ка-

кой прием находит его искусство в темной, всегда кажущейся чуть-чуть таинственной глубине зала, он может только догадываться...

Но вот отзвучали последние такты чарующей музыки Чайковского, и в зале нарастающим швалом вспыхнула овация. Рукоплескали зрители, аплодировали — и это особенно растрогало меня — оркестр и артисты. В этот вечер корифей русской музыки навсегда похитил сердце стамбульцев. Я дирижировал десятью спектаклями «Евгения Онегина», и все десять вечеров в зале царил неподнятая, праздничная атмосфера. Прессу наша работа имела самую доброжелательную.

Здесь Ниязи пришлось прервать свой рассказ, потому что мы попросили разрешения ознакомиться с рецензиями, помещенными в турецкой печати. Рецензий множество. Газеты и журналы, в которых они напечатаны, возвышаются на столе композитора пухлой, высокой пачкой. С их страниц на нас смотрят фотографии азербайджанского дирижера, снятого во всех возможных ракурсах.

Читаем отзывы, щедро уснащен-

ные восклицательными знаками. Журнал «Оркестр»: «Своей музыкальностью и мастерством Ниязи доказал, что он действительно замечательный знаток своего дела», «...дирижер мирового масштаба, блестящий интерпретатор...», «Зрители, которые в полном смысле этого слова бежали от постановки Пино Троста, наградили постановку Ниязи бурными аплодисментами». Газета «Джумхурнет»: «Волшебная палочка Ниязи...», «Под его управлением оркестр сразу же изменился. Музыка стала совершенно другой, она получила именно те свойства и темп, которые желал видеть в ней Чайковский...». Газета «Ватан»: «Ниязи придает самым страстным страницам творчества Чайковского вулканическую силу». Газета «Аншам»: «Всемирно прославленный дирижер и композитор». Журнал «Мусиги маджмуиси»: «Искренне сочувствуем тем, кто не смог попасть на этот спектакль, потому что, кто знает, когда еще мы услышим музыку Чайковского в таком замечательном исполнении... До сегодняшнего дня мы по существу не слышали русской музыки...».

3. Премьера азербайджанской музыки

— Свободного времени у меня было до обидного мало, — продолжает беседу Ниязи. — Дирижер, как спортсмен, должен все время поддерживать хорошую спортивную форму, а путь для этого один — тренаж, репетиции, снова и снова репетиции. Редкие часы досуга я посвящал знакомству с творчеством турецких композиторов. Мне полюбилась музыка Бюлента Тарджана, талантливого мастера композиции и, между прочим, отличного нейрохирурга, профессора медицины. Я привез с собой партитуру его скрипичного концерта и балетной сюиты и надеюсь познакомить бакинцев с этими яркими сочинениями в течение ближайших месяцев.

Программу моего пребывания в Стамбуле заключил концерт, который я дал с городским симфоническим оркестром. На нем прозвучали сочинения Моцарта и Вагнера, а второе отделение было целиком посвящено азербайджанской музыке. Меня обрадовал большой успех, который имело у слушателей «Азербайджанское каприччио» моего друга Фикрета Амирова. Я признателен турецким оркестрантам за тонкое музицирование при исполнении моих сочинений — симфонического мугама «Раст» и «Лезгинки». Произведения советских композиторов исполнялись в Стамбуле впервые, и тем приятнее отметить теплый прием, оказанный азербайджанской музыке...

И вновь мы прерываем нашего собеседника, чтобы познакомить читателей с откликами прессы на симфонический концерт, которым дирижировал Ниязи.

Музыкальный обозреватель газеты «Ватан» назвал свою рецензию «Могучий талант Ниязи». «Художник с головы до пят, — пишет он, — впитавший в себя всю прелесть музыки, Ниязи является блестящим образцом для всех больших мастеров мира. Каким бы произведением ни дирижировал

Ниязи, он вкладывает в каждый такт музыки присущие только ему все новые волнующие качества и очаровывает слушателей».

Говоря об исполнении Ниязи произведений азербайджанской музыки, рецензент подчеркивает, что он заставил слушателей «ощутить аромат родной земли» дирижера. «В этом и заключается сила и мощь таланта Ниязи, заставляющего вас познать и почувствовать манеру, дух времени и специфику народа, музыку которого он играет».

Сетя на то, что стамбульский городской оркестр не в состоянии выполнить все творческие замыслы азербайджанского дирижера, рецензент все же подчеркивает, что «несмотря на это, благодаря мощи таланта и обаянию Ниязи оркестр в концерте поднялся до уровня большого мастерства».

Характеризуя включенные в программу концерта произведения Фикрета Амирова и Ниязи, обозреватель отмечает, что партитура их «окрашена в блистательные цвета», а инструментовка осуществлена «с большим утонченным мастерством».

Подобными же высказываниями пестрят страницы многих других газет.

А теперь мы снова передаем слово Ниязи.

— По случаю окончания моих гастролей в Стамбуле, — говорит он, — генеральное консульство СССР в этом городе устроило прием, на котором присутствовали видные деятели турецкой культуры. Турецкие друзья обратились ко мне на приеме с весьма лестными предложениями, пригласив возглавить оркестр Стамбульского оперного театра и городской симфонический оркестр на осенне-зимний сезон 1966 года.

Из Стамбула трасса моей гастрольной поездки вела в Анкару.

(Окончание следует).